

АРАНЦА ПОРТАБАЛЕС

КРАСОТА
КРАСНАЯ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.134.2-312.4

ББК 84(4Исп)-44

П60

Arantza Portabales

BELLEZA ROJA

© 2019, Arantza Portabales Santomé

Художественное оформление *Дарьи Васильченко*

Портабалес, Аранца.

П60 Красота красная / Аранца Портабалес ; [перевод с испанского И. Пивоваровой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-206379-4

Пока в саду роскошного дома Аленов в Сантьяго-де-Компостела проходит праздничный ужин, пятнадцатилетняя Ксиана истекает кровью в собственной комнате. Белоснежные стены и мебель и залитый красным, словно клубничным желе, пол больше напоминают театральную постановку, чем место преступления. Но крови так много, что она точно не может принадлежать одному человеку.

Дом Аленов — неприступная крепость, полностью оборудованная камерами видеонаблюдения. В момент совершения убийства никто не входил и не выходил отсюда. У опытного инспектора Санти Абада и его энергичной помощницы Аны Баррозу есть только шестеро подозреваемых и мертвая девушка с перерезанным горлом...

УДК 821.134.2-312.4

ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-04-206379-4

© Пивоварова И., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Нандо, с любовью и по любви.
Хоане и Сабеле, всегда верным,
всегда преданным*

— Почему художник не может нарисовать что-нибудь, на что приятно смотреть? Зачем лезть из себя в поисках уродства?

— Некоторые из нас, *mon cher*, видят красоту в странных вещах.

Агата Кристи,
«Пять поросят»

А ты что знаешь? Если ты не живешь в этой клетке.

Микель Изал,
«Пауза»

Кто-то хочет быть нормальным, а я хочу, чтобы по мне скучали.

Иван Феррейро и Амаро Феррейро,
«Другая половина»

Красота красная

Красота красная, как миска с вишнями. Так говорила моя первая учительница рисования. Это первое, что приходит мне на ум. Стараюсь отбросить эту мысль, потому что она иррациональна. Но не могу отвести взгляда от пола в комнате. Меня поражает образ девственно-белого платья, брошенного на огромный круг клубничного желе, который я однажды видела на выставке современного искусства. Я помню платье. Красный глянец желатина. Помню безумный запах клубники. Когда через две недели я вернулась туда, желатин уже начал разлагаться. Интересно, когда же начнет гнить этот пол?

У людей в организме содержится от четырех до шести литров крови. Этого хватит, чтобы покрыть пол помещения площадью девятнадцать квадратных метров. Я знаю размеры комнаты, потому что помогала Саре ее обставить. Девятнадцать квадратных метров залито кровью. Ни единого чистого от алой жидкости сантиметра. В комнате нет ковров. У Ксианы аллергия на клещей. Была. Еще у нее была аллергия на орехи. Сара была одержима этим. Точно, Сара. Я должна быть с ней. С Тео. Нужно их позвать. Я знаю, что обязана это сделать. Но если я открою рот, то получится

АРАНЦА ПОРТАБАЛЕС

только визжать. Просто я не хочу, чтобы они приходили. Ведь тогда они увидят тело Ксианы в этом воплощении моря.

Невозмутимого моря.

Гладкого.

Густого.

Гипнотического.

Красота — это клубничное желе, которое вот-вот сгниет.

Вот о чем я думаю, когда открываю рот и начинаю кричать.

Дело Сомосы

Глаза. Больше всего его поразили глаза, лишенные всякого выражения, похожие на две пластмассовые пуговицы, пришитые к мордочке плюшевого медведя. Коннор проигнорировал историю болезни, которая находилась в папке у стажера. Женщина закрыла глаза. Она казалась спящей, но Коннор знал, что она притворяется.

Он перевел взгляд на бинты на ее запястьях.

— Лия Сомоса. Женщина. Сорок лет...

Голос практиканта вывел Коннора из задумчивости.

— Лия Сомоса?

— Да.

— Разве она не пациентка доктора Валиньо? — едва закончив фразу, Коннор уже пожалел, что заговорил при женщине. Конечно, под этими веками, под словно бы мертвыми глазами она думала, что ей все равно, кто ее врач. Что у нее вовсе нет врача. Нет человека, который о ней позаботится.

Коннор поднял указательный палец, чтобы заставить стажера замолчать, и жестом предложил ему выйти из комнаты. Сам он двинулся следом, а покинув палату, забрал папку.

— Где Валиньо?

АРАНЦА ПОРТАБАЛЕС

— Был на встрече с людьми из министерства. Сказал, по поводу внедрения каких-то новых протоколов. Также он поручил мне попросить вас позаботиться об этой пациентке. Его очень беспокоит шумиха вокруг ее дела.

— И он отправил вас разговаривать со мной? Дерьмо. Оставайтесь здесь. Проверьте лекарства. Увеличьте дозу, если увидите, что она не спит. Сейчас ей лучше отдохнуть. Возьмите историю болезни. Занесите, пожалуйста, ко мне в кабинет, как только закончите. Я побеседую с Валиньо.

Коннор стремительно спускался по лестнице, чувствуя, что сыт по горло выходками Адриана. Коннор был не прочь взяться за сложные дела, но ему надоело, что его никогда не предупреждают. Что его временем распорядились, не посоветовавшись с ним самим. На ум вновь пришло лицо женщины. Ее глаза. Именно они. Нет. Коннор не собирался мириться с тем, что это взваливают на его плечи. Такое дело должен был вести Адриан. Не зря ведь именно он главврач.

— Бреннан!

Обернувшись, Коннор увидел бегущего за ним Адриана.

— Послушай, Валиньо, так дело не пойдет. Как тебе это пришло в голову? Это дело? Ты с ума сошел?

— Подожди минуту.

— Не буду. Я намерен поступить так же, как и ты. Сначала ты передаешь это дело мне, не предупредив, позволив практиканту поставить меня в известность, а теперь просишь о чем-то. Поэтому я действую таким

же образом: возвращаю тебе дело. И теперь, когда ты в курсе, если хочешь, я объясню почему.

— Успокойся-успокойся! Я не могу ей помочь! Точно нет. Это противоречило бы этике. Я близкий друг ее зятя. И мы говорим не только о пациентке. Полиция уже дважды приезжала. Я не позволяю ее допрашивать и опасаясь, что мои намерения могут быть неверно истолкованы.

На них устались две болтавшие на лестнице женщины, и Адриан внезапно замолчал.

— Лучше пойдем в твой кабинет, — предложил Коннор.

Адриан кивнул и поспешил вниз по лестнице. Адриан был самым близким другом Коннора в Сантьяго. Они познакомились в колледже, но тогда не сблизились. Позже он вернулся в Ирландию, и они потеряли связь. Когда Коннор вновь появился в Галисии три года назад, он оказался в Сантьяго совершенно один, и Валиньо стал хорошим товарищем. Слегка высокомерный, временами даже раздражающий, но, учитывая все обстоятельства, он всегда протягивал руку помощи, когда его просили. По четвергам они играли в падел-теннис¹ и время от времени встречались, чтобы выпить пива. Коннору нравилось общаться с Адрианом. Но только вне работы. В больнице у Адриана имелась чертова привычка организовывать все так, как удобно ему, не задумываясь об окружающих.

¹ Спортивная игра, появившаяся в Мексике, симбиоз большого, пляжного, настольного тенниса и сквоша. (Здесь и далее прим. пер.)

АРАНЦА ПОРТАБАЛЕС

Они вошли в кабинет, и Адриан закрыл дверь.

— Ты должен заняться этим делом. Она пыталась покончить с собой всего через несколько дней после того, как убили ее племянницу.

— Я в курсе. И это убийство — самое медийное событие в городе со времен дела девочки Асунты. Я не против помочь этой женщине, но ты лучше меня знаешь, что это значит: терпеть копов, готовить экспертное заключение для будущего судебного разбирательства и даже делать заявления для прессы.

— Прессу я беру на себя. Обещаю. Буду делать заявления от твоего имени. И попрошу руководство больницы позаботиться о том, что касается полиции. Мы сошлемся на соблюдение врачебной тайны.

— Тут не на что ссылаться. Врачебная тайна — это чересчур. Я повторюсь: тебе следует самому заняться этим делом. Это попытка самоубийства. Ты специалист.

— Ты что, не слушал меня? Я друг Тео Алена. Мы вместе учились до курса университетской ориентации. Я присутствовал на их с Сарой свадьбе. Черт, они даже пригласили меня на ужин в честь Ночи Святого Хуана к себе домой в день убийства. И не поехал я только потому, что находился на конгрессе в Мериде. Знаешь, кому позвонил Тео, когда нашли девушку? Мне. Я не могу заниматься этим делом.

— Строго говоря, ничто не мешает тебе лечить эту женщину.

— Эту женщину, как и остальных пятерых человек, находившихся в том доме в Ночь Святого Хуана, подозревают в убийстве. Фактически, если верить газетам,

КРАСОТА КРАСНАЯ

после попытки самоубийства она является основной подозреваемой. Я друг семьи. Ты все еще не понимаешь, что должен сам о ней позаботиться?

— Думаешь, это она?

— Что за вопрос, черт возьми! Я знаю близнецов Сомоса много лет. Лия — художница. У тебя не хватит месячной зарплаты, чтобы купить ее картину. Как творческая личность, она немного эксцентрична, всегда немного не в себе и в прошлом страдала депрессией. Но там что-то поддающееся контролю. Разумеется, я не верю, что она убила девочку. Но в том доме было всего шесть человек. И один из них сделал это.

— Если я займусь этим делом, можешь гарантировать, что на меня не будут давить или вмешиваться в лечение? Я имею представление, с чем связываюсь. Меня ждет много работы.

— Без вариантов, Бреннан. Ты берешься за дело или ты за него берешься. Нет другого врача, способного вылечить Лию.

— В нашей больнице их полно.

— Коннор...

— Ладно. Но ты садись со мной и рассказываешь все, что знаешь о Лии Сомосе, ее прошлом, ее отношениях с сестрой и зятем. Рассказываешь все о тех депрессиях, которые, по твоим словам, поддаются контролю. И ничего не замалчиваешь. Ясно?

— Ничего?

— Ничего.

— Тогда я скажу тебе правду.

— Какую правду? Ты что-то скрывал от меня?